

ОСОБЕННОСТИ РАССЕЯНИЯ НОСИТЕЛЕЙ НА ГРАНИЦЕ НОРМАЛЬНЫЙ МЕТАЛЛ–КВАЗИОДНОМЕРНЫЙ ПРОВОДНИК С ВОЛНОЙ ЗАРЯДОВОЙ ПЛОТНОСТИ

А.А.Синченко*, Ю.И.Латышев⁺, С.Г.Зыбцев⁺, И.Г.Горлова⁺¹⁾,
П.Монсо^{о2)}

*Московский государственный инженерно-физический институт
115409 Москва, Россия

⁺Институт радиотехники и электроники РАН
103907 Москва, Россия

^оCenter de Recherches sur les tres Basses Temperatures,
BP 166, 38042 Grenoble, France

Поступила в редакцию 11 июля 1996 г.

Экспериментально исследованы нелинейные эффекты на границе раздела нормальный металл–квазиодномерный проводник $K_{0.3}MoO_3$ с волной зарядовой плотности. Обнаружено, что рассеяние нормальных носителей с энергией E меньшей пайерлсовской щели, Δ_p , приводит к появлению избыточного сопротивления N -ВЗП-границы. Характер рассеяния аналогичен эффекту андреевского отражения. Однако в отличие от сверхпроводников, знак заряда отраженной частицы не изменяется.

PACS: 71.45.Lr, 73.40.-c

Изучение явлений, происходящих на контакте нормальный металл (N)–квазиодномерный проводник с волной зарядовой плотности (ВЗП), может позволить получить информацию о взаимодействии инжектируемых из N квази-частиц с конденсатом ВЗП. В работах [1, 2] было теоретически предсказана возможность отражения квазичастиц на неоднородностях параметра порядка, аналогично андреевскому отражению в сверхпроводниках [3], сопровождающееся изменением знака всех трех компонент скорости $v = d\epsilon/dp$. Однако в отличие от границы нормальный металл–сверхпроводник, отражение не сопровождается изменением знака заряда, что должно приводить к появлению избыточного сопротивления границы.

В настоящей работе предпринята попытка экспериментального наблюдения подобных эффектов, происходящих на N -ВЗП-границе.

Исследовались монокристаллические образцы "голубой" бронзы $K_{0.3}MoO_3$, с размерами до $5 \cdot 10^4$ мкм в сечении и длиной 500–1000 мкм с температурой пайерлсовского перехода $T_p = 183$ К. Монокристаллы были предоставлены Центром исследований при низких температурах (СРТВТ – CNRS, Гренобль). Для исследования процессов на границе раздела N -ВЗП использовалась схема измерения, предложенная в работе [4] (см. вставку на рис.1), и успешно применяемая для исследования андреевского отражения как в традиционных [5, 6], так и в высокотемпературных оксидных сверхпроводниках [7, 8]. Геометрия эксперимента показана на рис.1. В эксперименте измеряются вольт-амперные

¹⁾ e-mail: gori@web.eplire.ru

²⁾ P.Monceau

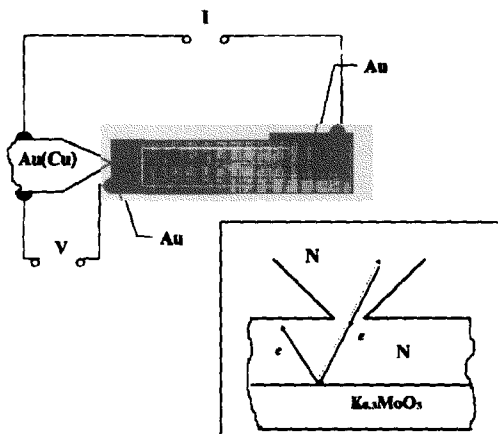

Рис.1. Геометрия эксперимента. В рамке схематично показаны возможные процессы отражения: сплошные линии – обычное зеркальное отражение; пунктирная линия – отражение андреевского типа

характеристики (ВАХ) и их первые производные точечных контактов нормального металла с би-слоем Au – $K_{0.3}MoO_3$. Точечный контакт образовывался с плоскостью кристалла, перпендикулярной ориентации цепочек. Золотое покрытие наносилось методом лазерного напыления. Толщина слоя составляла $1000 \text{ \AA}$. В качестве нормальных контрэлектродов использовались электрохимически заточенные тонкие (диаметром $30\text{--}70 \mu\text{м}$) проволоки из меди и золота. Радиус закругления острия игл не превышал $1 \mu\text{м}$. Точечный контакт формировался непосредственно при температуре жидкого азота с помощью прецизионной механической системы передачи движения [9]. Для каждого образца были исследованы характеристики не менее 20 точечных контактов. Определенное из ВАХ монокристаллов значение порогового электрического поля срыва ВЗП для исследованных образцов составляло $E_c \sim 300\text{--}600 \text{ мВ/см}$ при 77 К .

На рис.2 показаны зависимости дифференциального сопротивления $R_d = -dV/dI$ от напряжения V точечных контактов для образца 3 с различными диаметрами (сопротивлениями) контактов, снятые при температуре $T = 77 \text{ К}$. Данные зависимости являются типичными для всех исследованных образцов. Характерными особенностями данных характеристик являются: ярко выраженная асимметрия, наличие минимума при $V = 0$, а также менее отчетливых максимумов при напряжении $|V| \approx 50 \text{ мВ}$, соответствующем величине пайерловской щели в голубых бронзах [10, 11]. Положение и относительная величина сигнала не зависела от абсолютной величины сопротивления контакта. Данный эффект наблюдался как в пиннингговом, так и в депиннингговом состояниях ВЗП, которые определялись путем измерения падения напряжения непосредственно на кристалле $K_{0.3}MoO_3$.

В использованной схеме эксперимента нелинейности $R_d(V)$ могут являться результатом только двух вкладов: нелинейности характеристики собственно $N-N$ -контакта, включающие эффекты разогрева и особенности электрон-фононного взаимодействия в нормальных электродах в отсутствие ВЗП, и особенностей, которые могут быть связаны с близостью квазиодномерного проводника с ВЗП, поэтому необходимо выяснить характер зависимости $R_d(V)$ для $N-N$ -контакта в отсутствие ВЗП. В отличие от сверхпроводников, где сверхпроводимость может быть подавлена магнитным полем, в нашем случае

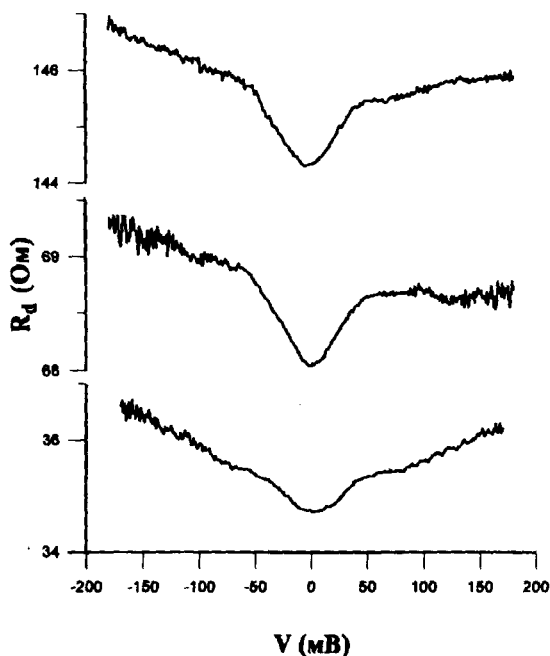

Рис.2. Зависимости $R_d(V)$ трех различных точечных контактов с образцом 3 при $T = 77$ К

получить точный спектр собственно $N-N$ -контакта не представляется возможным, так как нам не известны способы подавить пайерлсовскую щель при $T \ll T_p$. Тем не менее, важно отметить, что особенности появляются только при температурах ниже пайерлсовского перехода. Выше температуры $T_p = 183$ К точно контактные спектры симметричны и имеют омический характер с малым приростом сопротивления, пропорциональным квадрату напряжения. Никаких иных особенностей при данных температурах не наблюдалось. Начало выхода на квадратичный закон часто наблюдалось и при $T = 77$ К при подаче достаточно больших напряжений смещения $V \sim 300 - 500$ мВ. Однако в этом диапазоне напряжений значительно возрастают шумы и часто происходит срыв контакта.

Хорошо известно, что диапазон существования особенностей электрон-фононного взаимодействия в золоте и меди ограничен энергией $E \sim 20 - 30$ мэВ [12, 13]. Кроме того, температура жидкого азота очень высока для отчетливого проявления особенностей данного типа. Таким образом, проведенный анализ позволяет нам сделать вывод, что наблюдаемые нелинейности зависимостей $R_d(V)$ могут быть связаны только с рассеянием носителей на границе N -ВЗП. Действительно, в нашей геометрии эксперимента толщина слоя Au меньше или порядка длины свободного пробега в золоте при $T = 77$ К, составляющей обычно для пленок $1500 - 2000$ Å. Поэтому можно считать, что мы находимся в баллистическом пределе. Сопротивления точечных контактов соответствуют диаметрам контактов $10 - 30$ Å [14], что много меньше толщины слоя нормального металла. Поэтому заметный вклад в сопротивление точечного контакта могут давать носители, отражение которых происходит по траектории налетающей частицы, то есть андреевским образом (см. вставку на рис.1).

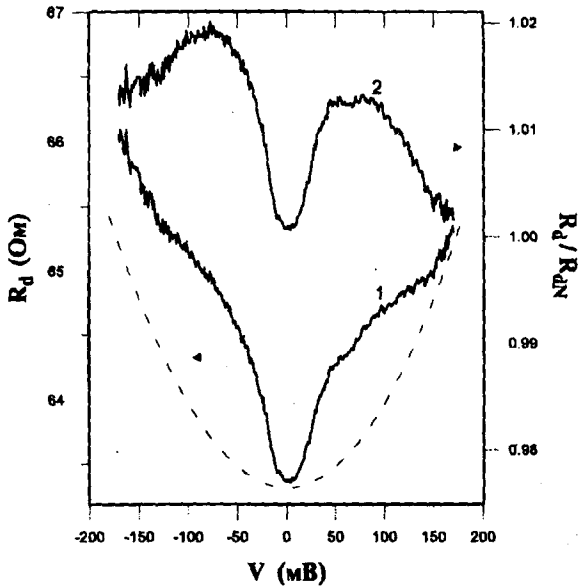

Рис.3. Зависимость $R_d(V)$ точечного контакта с образцом 2 (кривая 1). Пунктирная кривая – предполагаемый вид зависимости $R_{dN}(V)$ собственно $N-N$ -контакта. Кривая 2 – зависимость $R_d(V)/R_{dN}(V)$

Если действительно имеет место отражение, подобное андреевскому, как это предсказывалось в [1, 2], то по аналогии с [15, 16] при $T = 0$:

$$\frac{R_d(V)}{R_{dN}(V)} = \frac{1}{1 - A(eV)\Lambda(eV)}, \quad (1)$$

где $R_{dN}(V)$ – сопротивление контакта в отсутствие ВЗП, $A(eV)$ – вероятность андреевского отражения, зависящая от величины энергетической щели и характеристического параметра Z потенциального барьера границы N -ВЗП. $\Lambda(eV)$ учитывает эффекты, связанные с конечностью длины свободного пробега электронов, и дается интегралом по всем углам инжекции [5]:

$$\Lambda(eV) = \frac{1}{\pi} \int_0^{2\pi} d\Phi \int_0^{\pi/2} d\theta \sin \theta \cos \theta \exp\left(-\frac{2d'(eV)}{l \cos \theta}\right), \quad (2)$$

где l – длина свободного пробега, $d'(eV)$ – эффективная толщина нормального металла, которую электрон должен пересечь до отражения. Энергетическая зависимость $d'(eV)$ для сверхпроводников обусловлена эффектом близости. Выражение (1) отличается от аналогичного для сверхпроводников знаком минус в знаменателе. Это связано с тем, что в случае ВЗП отраженная частица не изменяет знак заряда [1, 2].

При $T \neq 0$, вследствие температурного размытия фермиевской функции распределения электронов, спектр (1) будет размываться. Выражение для вероятности $A(E)$ в случае ВЗП нам не известно. Однако можно предположить, что как и для сверхпроводников, значительную роль будет играть потенциальный барьер границы N -ВЗП, обусловленный как неидеальностью границы, так и разрывностью волнового вектора Ферми. Как показано в [15], наличие барьера приводит к уменьшению $A(E)$ при $E \ll \Delta$, что для сверхпроводников

проявляется на зависимости $R_d(V)$ в виде максимума при $V = 0$. В нашем случае наличие значительного барьера границы очевидно вследствие разницы в положении уровня Ферми в Au и $K_{0.3}MoO_3$. Тогда, если отраженная частица не меняет знак заряда, на зависимости $R_d(V)$ должен существовать минимум при $V = 0$ и максимумы при $eV = \pm\Delta$, что и наблюдается на эксперименте.

На рис.3 приведена зависимость $R_d(V)$ для образца 2 (кривая 1). При больших напряжениях смещения для данной характеристики заметен выход на квадратичный закон изменения прироста сопротивления, что позволило определить предполагаемый вид зависимости $R_{dN}(V)$ собственно $N-N$ -контакта (пунктирная кривая). Кривая 2 на том же рисунке есть результат нормировки $R_d(V)/R_{dN}(V)$ и представляет собой спектр, подобный спектру андреевского отражения для сверхпроводников, но зеркально отраженный относительно прямой $R_d/R_{dN} = 1$ (сравни, например, с [6]).

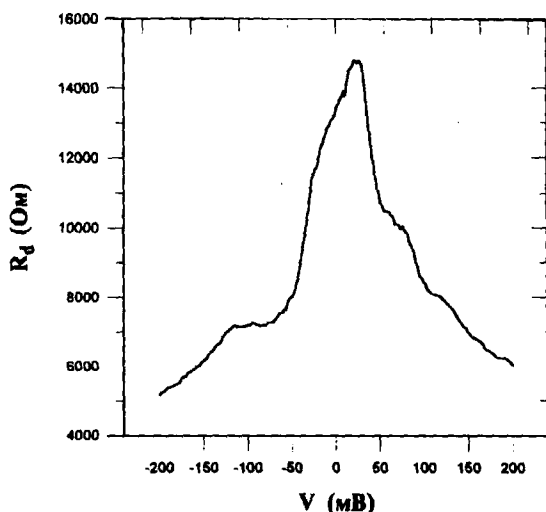

Рис.4. Зависимость $R_d(V)$ точечного контакта Cu- $K_{0.3}MoO_3$

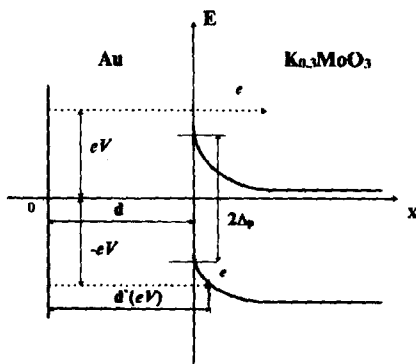

Рис.5. Схематичная диаграмма N - VSP -границы, иллюстрирующая отражение квази-частиц андреевского типа

Как уже отмечалось выше, все наблюдаемые на эксперименте зависимости $R_d(V)$ асимметричны. Мы связываем данный эффект с искажением химического потенциала вблизи границы N - VSP аналогичного как на контакте металл-полупроводник. В качестве примера проявления данного эффекта на рис.4 показана зависимость $R_d(V)$ точечного контакта Cu- $K_{0.3}MoO_3$ (без промежуточного металлического слоя), с характерной для контакта металл-полупроводник асимметрией. Отчетливо видны также и щелевые особенности при напряжении $|V| = 50$ мВ.

Приведенные выше экспериментальные данные позволяют представить следующую картину процессов на границе N - VSP (см. рис.5). При энергиях инжектируемых частиц $|eV| < \Delta$ имеет место отражение, подобное андреевскому, как при положительном, так и при отрицательном напряжениях смещения. При этом эффективная длина пробега частиц до отражения, d' не зависит от

энергии и равна толщине слоя нормального металла d . При $|eV| > \Delta$ при положительном напряжении смещения инжектируемая частица попадает в квазиодномерный проводник в виде нормального возбуждения, и трансформации ее в ВЗП, вероятнее всего, идет через центр проскальзывания фазы. Вероятность отражения андреевского типа для нее, согласно [15], чрезвычайно мала. Другая ситуация реализуется при отрицательном напряжении смещения. Как легко видеть из рис.5 в этом случае сохраняется вероятность отражения андреевского типа в интервале энергий, соответствующих искривлению зон. Эффективная длина пробега электронов увеличивается и становится зависимой от энергии инжектируемых частиц. В этом случае вследствие уменьшения $\Lambda(eV)$ сигнал андреевского отражения также будет уменьшаться с увеличением энергии.

Таким образом, полученные результаты можно рассматривать как указание на существование на границе ВЗП-нормальный металл процессов, аналогичных андреевскому отражению в сверхпроводниках, как предсказывалось в [1,2].

Авторы благодарны С.Н.Артеменко, А.Ф.Волкову и В.Я.Покровскому за обсуждение результатов экспериментов. Работа поддержана Российским фондом фундаментальных исследований и выполнена в рамках проекта 95-02-04456.

-
1. А.Л.Касаткин, Э.А.Пашицкий, ФНТ **10**, 1222 (1984).
  2. А.Л.Касаткин, Э.А.Пашицкий, ФТТ **27**, 2417 (1985).
  3. А.Ф.Андреев, ЖЭТФ **46**, 1823 (1964).
  4. P.A.M.Benistant, A.P.van Gelder, and H.van Kempen, Phys. Rev. B **32**, 3351 (1985).
  5. P.C.van Son, H.van Kempen, and P.Wyder, Phys. Rev. Lett. **59**, 2226 (1987).
  6. H.F.C.Hoovers, M.G.D.van der Grinten, P.L.H.Jennen et al., J. Phys.: Condens. Matter **6**, 65 (1994).
  7. T.W.Jing, Z.Z.Wang, and N.P.Ong, Phys. C **162-164**, 1061 (1989).
  8. V.F.Elesin, A.A.Sinchenko, A.A.Ivanov, and S.G.Galkin, Phys. C **213**, 490 (1993).
  9. А.А.Синченко, ФНТ **15**, 438 (1989).
  10. B.Dardel, D.Malterre, M.Grioni et al., Europhys. Lett. **19**, 525 (1992).
  11. G.Travaglini, P.Wachter, J.Marcus, and C.Schlenker, Solid. State Comm. **37**, 559 (1981).
  12. И.К.Янсон, Ю.Н.Шалов, ЖЭТФ **71**, 286 (1976).
  13. Ю.Н.Шалов, И.К.Янсон, ФНТ **3**, 99 (1977).
  14. Ю.В.Шарвин, ЖЭТФ **48**, 984 (1965).
  15. G.E.Blonder, M.Tinkham, and T.M.Klapwijk, Phys. Rev. B **25**, 4515 (1982).
  16. С.Н.Артеменко, А.Ф.Волков, ЖЭТФ **87**, 691 (1984).